

Он включил дрель с полуметровым сверлом и азартно воткнулся им в стенку балкона. Надо было сделать сквозную дырку для антенны. Буровил бетон добрых полчаса, до тех пор, пока хозяйка-родственница не закричала:

— Ты куда сверлишь?

Владимир Михайлович вырубил ток, почесал затылок, поглядел в тёмное нутро дырищи и наконец хохотнул:

— Куда-куда... Конечно, не туда. Твой же дом не кирпичный, как мой, а панельный, тут же сплошные уступы... Вот и гоню сверло в торец задней стены. Виноват, полметра влево надо было взять.

В такие ремонтные пикипромахи у мастеров обычно бывает ругань — хоть бы и на самого себя. А здесь чистый, как доброе вешнее утро, смех.

Владимир Наумов, житель Мценска, вообще весь лучится добродушием. Даже в самые муторные и напряжённые моменты жизни не теряет, как говорится, душевного равновесия.

Вот поездка на Байконур. Во время армейской службы, в шестидесятые годы.

— Мы везли ракету для Терешковой. Имени её, конечно, не знали; лейтенант только шепнул: "Для космонавта-девочки. Женщина на корабле... Чтoб молчок!".

Такого задания испугаешься. Если враги по дороге ракету украдут — наши не космонавтку, а тебя по телевизору покажут, только за решёткой. Да это шутка; ничего, поехали, служба есть служба.

Ракета-носитель была разобрана и упакована в шесть вагонов; вагоны смотрелись обыкновенными пассажирскими; спереди и сзади ещё грузовые — уголь, дрова... Дескать, вроде почтовой-багажный поезд, хоть любому Штирлицу ясно, что литерный. Только Штирлиц тогда не знал.

Ехали спокойно, шесть солдат попеременно держали караул с карабинами, на остановках отходили от окон, помня приказ наружу не пялиться.

— Народ в закрытую вагонную дверь стучал? У нас же ещё тогда проводники были добрые, охотно без билета пускали.

— Ага, пускают к такому поезду... Он всегда на самом дальнем станционном пути передышки делал. Да остановок особых и не было — нам открывали светофор без задержек.

От Удмуртии до Казахстана ехали неделю, конечная станция звалась Тюратам, сразу переименованная солдатами в "Тюрьма там".

— Маленькая, деревянная, редкие бабки на ней ждут чего-то. Потом состав ещё километров на десять протянули вглубь, но уже без нас; мы уже ехали в обратном поезде, в теплушке.

Был конец мая; через полмесяца, 14 июня 1963 года, на весь мир сообщили про полёт Быковского, ещё через два дня — Терешковой.

— Сделали построение части, поздравили, но что именно мы везли ракету, не сказали. Да это нормально. Командир полка, наоборот, потом позвал и строго так: "Чего матери не пишешь?". "Я ж был в Тюратаме". Чуть не оговорился "в тюрьматаме". Было бы... Он мне: "Ага, молодец. Ну, сообщи, что ездил в долгую командировку. А то она волнуется, на моё имя свою тревогу прислала".

Написал сейчас же; про Терешкову, конечно, ни слова. На портрет её в газете глянул, да и дальше службу понёс.

Вот и вся история. Слетала благополучно, приметку опровергла — значит, и солдаты до-

Фото Андрея САСИНА.

ПРО РАКЕТУ И ШАЛАШ

вольны: всё в штатном режиме. Это лучшее, чего ждут в таких делах.

Демобилизовался, стал шофёром. Дальнейшие его рейсы опишем потом, а сейчас — о Разливе, том, на берегу которого стоял (стоит ли сейчас?) знаменитый шалаш Ульянова-Ленина.

— Там я был в гостях у зятя, три года прожил, помогал внука нянчить. Конец восьмидесятых шёл, самая перестройка, перед переделёжкой.

Зять Владимира Михайловича тогда милиционером служил, тот шалаш охранял. Служия не давали, только палку резиновую; а её разве кто убоится, ежели втихаря, да ночью, да ползком с трёх сторон? Несколькими раз постовой после ночных дежурств в отчёте писал:

"Шалаш сгорел".

Чуть не каждую неделю жгли шалаш местные парни; отчего, бог знает, да и мы догадываемся: из забавы.

Зять, когда потом из ППС в завхозы родного РОВД перешёл, отыскал в архиве пару своих коротких записей "Шалаш сгорел" и, говоря канцелярским языком, "изъял".

На память. И для истории. Дома бумаги сохраняются надёжней, чем в казённых завалах.

Тем более что в пыльном архиве записей с теми же словами ещё немало осталось. Как и сарай, стоящий рядом с шалашом, всегда был полон свежесготовленным сеном.

Солдаты неустанно косили траву, чтобы утром быстренько укутать закопченный железный каркас шалаша новым сеном, чтоб опять было "как в кино".

— Десять лет назад, в ельцинское время, этот каркас ещё стоял, но никто его уже травой не обкладывал. И плиты

мраморные, кафе, дорожки — всё было ободрано.

Рассказал Наумов и про памятник Ильичу, что находился (опять же — находится ли сейчас?) на повороте с Приморского шоссе на Разлив.

Сидящий в позе мыслителя вождь мирового пролетариата был обляпан краской. Но обиднее то, что на коленях у него каждое утро появлялась гора пустых пивных бутылок.

"Пускай всё время смотрит на них и думает, куда везти сдавать тару", — гыгыкали местные.

— Зря, конечно, народ над своей историей так охотно измывается. Посмотреть бы, как и над сегодняшним днём глумиться будут... Ведь если так же резко политика сменится, наверняка будут, это у многих из нас в крови.

Вот и сделался разговор серьёзным. И с тех, и с других сторон толпами рвутся сменить нынешнее на вчерашнее (читай — проинквизиторское, сжигающее любую идеологическую ересь) или на "завтрашнее" (читай — проамериканское, что тоже, в общем-то, инквизиция, только вместо затёртых слов "братство", "равенство" современные поджигатели истоиво чиркают такими же словами-синонимами "свобода", "демократия").

Сорок два года отработал Наумов шофёром. Цену всем последним эпохам познал: и застольно-застойной, и перестройно-переделёжной.

Странно было, конечно, водителю-дальбойщику отыкать от прежних мирных одиночных ночёвок в любом природном закутке. Дико было узнавать, что бесследно пропали два знакомых водителя с экспедитором, что тут и там находят брошенные и уже напо-

вину разобранные частные КамАЗы.

Но об этом пусть нынешние шофёры рассказывают, они привычные, по дальним трассам, как по военным дорогам, ездят. Ограничимся эпизодом, никакую эпоху не характеризующим, а лишь показывающим извечную шофёрскую долю.

Его поведала супруга Любовь Ивановна, под конец нашего разговора тоже навестившая родичей:

— Как-то поутру приехал он из рейса двухнедельного. Вошёл, заглянул в кухню, отвернулся и сел молча в коридоре на корточках. А я ему загодя мясе изжарила и ждала-подметала. Увидела его на корточках, думаю, вот как устал. Ну и слегка шлёпнула его по плечу венником: "Чего тут уселся, герой?".

Заметьте, какова встреча. Деталь, сама по себе говорящая о многом. Недаром великие писатели повторяли, что в любой рукописи важен не сюжет, не глубокомысленный монолог — а именно деталь: через неё люди лучше всего раскрываются.

Так и тут: венником после двухнедельной разлуки можно прищёпнуть человека, с которым состоишь в самых добрых, доверительных отношениях.

А может, венник здесь был вроде королевского меча, возлагаемого на плечо при долгожданном посвящении в рыцари. Да не тот миг любящая домашняя королева выбрала для посвящения Владимира и заехал локтем дражайшей супруге прямо в скулу.

— Один раз за всю жизнь он меня ударил, и то нечаянно. "Чего ты?" — испугалась я. "Мясо со стола убери!" — кричит. — Я только два часа назад видел живое горелое мясо!".

— Было. Под Плавском, дату до сих пор помню, — кивнул по-

мрачневший Владимир Михайлович. — Передо мной на полном ходу "газон" с фурой лоб в лоб столкнулись. Видно, дальнотбойщик задремал. Четыре человека сгорели, оба водителя и пассажирка-женщина с девочкой... Фура была с мясом, всё углем стало...

Только через годы смог смотреть Наумов на жаркое. Теперь совсем утихло, да и сам Владимир давно на пенсии. Мастерит себе в удовольствие.

— Гляньте, двери какие красивые на балконе сделал, — сказала хозяйка.

— Ладно, чего там; вот мы с тем же зятем на Финском заливе одному тамошнему олигархику трёхэтажную дачу красили. Он вперёд уплатил, за полный месяц работы. А через два дня наведывается — дача вся готова, сияет краской. У него глаза квадратные...

— И как это у вас вышло?

— Думаю: "Зачем нам кисточками махать?". Купили на станции аквалангистов кислороду сжатого. Сто пятьдесят атмосфер — за считанные рубли. Приладил я к баллону пульверизатор с редуктором, всего и делов.

На прощание, чтоб совсем настроение поднялось, рассказал умелец-выдумщик опять про шалаш, только другой.

— В школе учитель математики у нас был лысый, но своим остроумием гордился. Про лысину собственную шутил: "Дурные волосы покинули умную голову" или "Умной голове покров не нужен". А я возьми и поддержи: "Пустой шалаш не кроют". Так он с урока меня выгнал и без матери назад не пустил... Вот такие они обидчивые, остроумники.

Юрий ОНОПРИЕНКО.
г. Мценск.